В середине XX века...

Е. Сурков

О ТОМ, что «событий обрушивание обрушилось» в пьесу «Иркутской истории», произошли именно в это время, мы узнаем сразу же, едва открывается занавес. В первой же реплике хора об этом сообщается даже с некоторой торжественностью — так, как будто бы нам предстоит в пьесе стать свидетелями дел в полном смысле слова эпохальных.

А между тем ничего достойного истории с арбузовской пьесе не происходит. Разлаживается любовь наследника Вали и электрика Виктора Бейцова, и Варька, безобразная Валя, которую на стройке запросто кличут Валькой-дешевкой, становится, к всеобщему удивлению, женой малоинтересного инженера Сергея Сергеевича, парня серьезного и всеми уважаемого. Потом Сергей внезапно гибнет, сильно тонущие детей. А Валя идет работать на тот самый экскаватор, на котором до того работал ее муж. Словом, обычная, будничная история из жизни каких-то особенно не примечательных людей. Стоило ли ее так прямо сводить с историей века? Не преувеличено ли это?

А зачем понадобился Арбузову хор? То эпическим комментирующий действие, то вторжу вмешивающийся в него и всегда, на всем протяжении пьесы, как дружественный соглядатай, по пятам следующий за участвующими в ней лицами? Можно подумать, что драматург ввел его только для того, чтобы возбудить у нас какие-то ассоциации с античной трагедией. Но — «Иркутская история» и «Медея»!! Не противоречило ли самое поспешное на такую ассоциацию?

Да и персонажи в «Иркутской истории» то минуту, как это в подобных персонажах всякой драмы, тем, что составляет содержание данной минуты их жизни, безраздельно погруженные в ее волнения и тревоги, то вдруг разрывают нить своего сценического бытия, чтобы откуда-то издалека, из будущего, заглянуть на себя таких, какими они были в той своей жизни. Так будущее врывается в естественное течение пьесы, и то, что сейчас составляет настоящее для ее героев, вдруг оказывается лишь как их прошлое.

Зачем? Есть ли в таких временных сдвигах какой-нибудь художественный смысл? Идея есть, как всегда, когда хотят свидетельствовать только о желании Арбузова произвольно идти на разрушение сценической иллюзии?

Конечно, поскольку себя драматург, который сознательно стремился бы нарушить сценическую иллюзию, так же трудно, как, скажем, представить себя Чеховым, ради развлечения знакомящегося перевоплощением собственных новеллистов. Но, может быть, если и не сознательно, то бессознательно, неизбежно, следуя закону то ложному замыслу, автор «Иркутской истории» все-таки нарушил сценическую правду, и нам только так лишь кажется, что нарушение «душевный контакт» между сценой и зрительным залом, по сути, отдал дань «новаторству», лишь канонизируя таковым?

Однако никакого нарушения контакта между актерами и зрителями на представлениях «Иркутской истории» не происходит. Напротив, мы сами тоже не наблюдали такой радостной самодеятельности сцене, с какой зрители театра имени Евг. Вахтангова следят за перипетиями «Иркутской истории». Похоже, что они вовсе не испытывают необходимости в очищении пьесы от всех тех композиционных сдвигов и условностей, которыми Арбузов осложнил драматургическое изложение судьбы героев и при этом вторгнул на критику расставил сети осудительные «ловушки».

Впрочем, попробуем все же прислушаться к нему в особенности мысленно пьесу в спектакль и всего того, что может «произойти» в совершающемся на «сцене, как в правду». И от назойливого хора, в от «жалостливого самоиронизирующего» героя, и от расставляемых предосторожностей того, что еще только должно свершиться на наших глазах в следующую минуту.

Выиграет ли от таких упрощений пьеса? Нет, проиграет. Больше того: разрушитель перестанет существовать как художественное лицо. Ведь то, что традиционалисты настроенному воображению нашего критика представляется всего лишь ложным оригинальничанием, на самом деле составляет художественную суть пьесы, ее плоть и поэтическую атмосферу.

ВРЕМЯ всегда было полноправным участником всех драматургических композиций Арбузова. Оно входило в его пьесы не как фон и не как внешнее, условное действие, а как та, решающая и активная драматургическая сила, во взаимодействии с которой и происходило формирование характеров основных арбузовских персонажей. Недаром даже композиционно пьесы Арбузова обычно строились как повествования, длительно протяженные во времени. Не одно какое-то событие, заключившее в себе всю судьбу человека в цепь событий, растянувшихся иногда на десятилетия, проходит перед нами в «Тане», в «Европейской хронике», в «Годах странствий». И именно во взаимодействии с этим накопившимся на наших глазах временем и осуществляется драматургическое раскрытие героев этих пьес.

В «Иркутской истории» фабула исказывается вокруг одного события, данной видимой связью с годом или не соединенного. А между тем в «Иркутской истории» именно время ощутимо входит во всю атмосферу пьесы и придает волнующую глубину и значительность событиям, которые в ином освещении могли бы показаться тривиальными.

Повторяем, в самой фабуле «Иркутской истории» нет ничего ни особо значительного, ни нового. Да и о героях Арбузова тоже не скажешь, что они вечные представители перед нами именно этих событий, которые в ином освещении могли бы показаться тривиальными.

Повторяем, в самой фабуле «Иркутской истории» нет ничего ни особо значительного, ни нового. Да и о героях Арбузова тоже не скажешь, что они вечные представители перед нами именно этих событий, которые в ином освещении могли бы показаться тривиальными.

Впрочем, попробуем все же прислушаться к нему в особности мысленно пьесу в спектакль и всего того, что может «произойти» в совершающемся на «сцене, как в правду». И от назойливого хора, и от «жалостливого самоиронизирующего» героя, и от расставляемых предосторожностей того, что еще только должно свершиться на наших глазах в следующую минуту.

Выиграет ли от таких упрощений пьеса? Нет, проиграет. Больше того: разрушитель перестанет существовать как художественное лицо. Ведь то, что традиционалистам настроенному воображению нашего критика представляется всего лишь ложным оригинальничанием, на самом деле составляет художественную суть пьесы, ее плоть и поэтическую атмосферу.

ВРЕМЯ всегда было полноправным участником всех драматургических композиций Арбузова. Оно входило в его пьесы не как фон и не как внешнее, условное действие, а как та, решающая и активная драматургическая сила, во взаимодействии с которой и происходило формирование характеров основных арбузовских персонажей. Недаром даже композиционно пьесы Арбузова обычно строились как повествования, длительно протяженные во времени. Не одно какое-то событие, заключившее в себе всю судьбу человека в цепь событий, растянувшихся иногда на десятилетия, проходит перед нами в «Тане», в «Европейской хронике», в «Годах странствий». И именно во взаимодействии с этим накопившимся на наших глазах временем и осуществляется драматургическое раскрытие героев этих пьес.

В «Иркутской истории» фабула исказывается вокруг одного события, данной видимой связью с годом или не соединенного. А между тем в «Иркутской истории» именно время ощутимо входит во всю атмосферу пьесы и придает волнующую глубину и значительность событиям

В середине XX века...

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

Но нет! Оказывается, те, что мы тогда были восприняты как завершение сюжета, как драматическую кульминацию, есть лишь подготовка к истинной и высшей кульминации. Потому и пьеса Арбузова, в которой так много и так горячо, взволнованно говорится о любви, написана вовсе не о любви.

Да, любви здесь — «пять пудов», и смысл вовсе-таки не в ней. А в том, что происходит и с Валей, и с Виктором, в том, как они раскрывают свой человеческий потенциал, все более осознавая под воздействием жизни и свои возможности, и свои обязанности.

Вот и Валя настоящей, подлинной победы достигает только после того, как поднимается еще не одну трудную и высокую ступень. Только тут она добивается той победы, которая действительно до конца раскрывает все, на что она была способна как человек, как личность. И Ю. Борисова с покоряющей увлеченностью и свежестью чувств ведет Валю к этой высшей точке не пути, туда, где она становится женщиной, высоко оценившей хозяйкой своей судьбы и своего будущего.

Тип «Вильки-дешевки», который, не задумываясь, вовсе мелкие, довольные — сам по себе или же в группе — вовсе не может подняться и над тем, что, вообще-то говоря, можно было бы не увиливаться. Потому что роль матери, воспитывающей двоих детей, и трудна, и почетна. Нам трудно поверить в первую минуту согласиться с Виктором, когда он говорит на Валю. В самом деле, можно ли обязанность чуть ли не в паразитизме нежиться, которой была такой безрадостной и трудный жребий! Но только с следующую минуту мы понимаем, что он прав, что Витька, которым в начале пьесы мы не внутренне чуть ли не бедное самой Валю, в потом обогнал ее, и теперь вот уже зовет ее за собой на ту высоту, куда сам уже поднялся. Правда, чрезмерно эмоциональный Валиной жизненной позицией, он еще бесится до конца четко сформулировать это свое сознание (к счастью, он не лишен и чувства юмора, с дидактической наивностью, по слогам возвещающей авторскую мораль). Поэтому он горячится, обижается, говорит много лишнего, несправедливого. А Валя между тем понимает его, ловит его правду не в словах, а между слов, в той большой и чистой тревоге за ее судьбу, которая заставляет Витьку произносить его запальчивые тирады. Она догадывается, что Витька рвал в главном: он будущее не в самозаконе от жизни, а в вмешательстве в нее, в активном участии во всех ее больших тревогах и радостях.

И ТОЛЬКО ТУТ завершается тот процесс выпрямления Вали, процесс ее становления как человека, мужественной поэзией которого стремился увлечь нас драматург.

Евгений Самойлов прекрасно понял эту цель драматурга. Он ведет героиню с Виктором по переходам, через одни выражения к другому, в еще большем динамичному и динамичному. Он раскрывает драматическую энергию, заключенную в пьесе, с таким расчетом, чтобы главный эмоциональный заряд взорвался все-таки не в сцене свадьбы и даже не в сцене гибели Сергея, а в сцене последнего перелома в судьбе Вали, когда она берет свою последнюю вершину.

К сожалению, до конца пойти за автором и режиссером по этому пути смогла только Борисова. Любимов, исторгнувший у Виктора Боброва, так и не нашел свободного и убедительного разрешения тем противоречий, под знаком которых складывается судьба его героя. Метаясь его Виктора поэтому кажутся излишне надсадными, даже болезненными. В них нет радости преодоления, нравственного завоевания. Любимовский Виктор не уверяет, не зовет за собой на взятую им высоту, так, как зовет прочитей Бобровской в Вали, обаяние которой не только в простоте — за ней она берет все психологические барьеры роли, в прежде всего вот в этой достойной устремленности к хорошему и трудному, в главном, что в конце концов входит в жизнь Вали.

Пьеса, повторяем, построена и как непосредственное воспроизведение того, что сейчас происходит с действующими в ней людьми, и одновременно как их воспоминание о том, что тогда было. Герои как бы оглядываются на себя таких, какими были в те трудные дни. И хор только подмогает им в этом. Потому что хор — это те же герои пьесы, только на следующем этапе своего развития, такие, какими они стали сейчас. Вот почему не зря бы Е. Самойлов одел участников хора в парадные театральные костюмы и тем самым как бы отделил их от остальных участников спектакля.) Отуда, из этого завтра, они и оглядывают жизнь с горечью пьеса на события, некогда происшедшие где-то близ Иркутска, на берегу Ангары, стремясь полнее и глубже уяснить заключенный в этих событиях нравственный смысл.

И попробуйте, только мысленно выключите из пьесы их радостные, взволнованные голоса, как все в ней вдруг потускнеет и упростится. Потому что вместе с ними голосами уйдет из пьесы и голос Времени, которым Арбузов стремился наполнить артерии пьесы, всю ее пронизывая системой

В НАЧАЛЕ пьесы хор предвещает нас: «Вот какая история случилась на реке Ангаре, недалеко от города Иркутска. В середине XX века в тех местах строили мощную гидростанцию».

А когда вместе с героями мы проходим через пьесу, мы понимаем: да, то, что происходит на наших глазах, происходило именно в это время! И не только потому, что производственные тревоги и радости, волнения строителей, работа на лежащем неожиданторе органически «вписаны» во внутренний мир Сергея, Вали, Виктора. С этой точки зрения пьеса Арбузова тоже заслуживает внимания. Присмотритесь к тому, как плотно драматург переплетает личные, сюжетно выраженные взаимоотношения героев с многочисленными «внесюжетными» мотивами и обстоятельствами их жизни! И вы увидите, насколько исторически конкретен, богат жизненный фон, на котором возникает герой, сама пьеса.

— И все-таки дело не только в фоне, а в самой истории, которую они переживают и которая сама несет на себе печать времени, выражение исторической неизбежности и взаимосвязи сторонних, именно в том, чтобы выразить себя во времени, встать вровень с ним, и заключалась та нравственная проблема, которую пришлось решать героям арбузовской пьесы. Кривлись бы, они жили своим маленьким, частным, а мы понимаем, что это маленькое и частное органически являлось в большую судьбу их поколения.

Да, действие этой пьесы происходит в середине XX века. В наши дни.